

Письмо неисправимой оптимистки

Прочитав повесть Октяя Мир-Касыма «Кодекс самурая», я не смогла отказать себе в удовольствии взяться за перо – хотелось поделиться чувствами, которые я с удивлением обнаружила в себе, перевернув последнюю страницу. Чувствами, ничем и никем сегодня не подпитываемыми и потому забытыми – надеждой на лучшее, верой в вечные идеалы и в то, что мы все же когда-то сможем к ним вернуться. Да, сегодня «идеалы» иные: сменилась идеология – оказались востребованными другие «идеалы». Но я недаром закавычила это слово в последнем случае – идеалы не меняются, они всегда были и будут неизменны. Просто сегодня они оказались ненужными. И теперь большинство ориентируется не на идеалы, а – на «понятия». Живут не по совести, а «по понятиям». Главные жизненные устремления – найти, где теплее, где сытнее, а всякие «самурайские» «закидоны», типа чести, порядочности, верности – это для наивных, не сумевших уловить дух времени. Понятия чести, достоинства, самопожертвования воспринимаются сегодня большинством либо с откровенной ухмылкой, либо с вежливо-снисходительной улыбкой...

«Если ты умный, то почему такой бедный?» – этот вопрос сегодня можно услышать от иных «умников», полагающих, что ум – это исключительно умение «срубить бабла». Но разве это ум помогает обогатиться? Для этого, скорее, требуются хитрость, предприимчивость, ушлость. Ум же достигает успеха в том, на что он направлен. И он вполне может быть направлен не на «бабло», а на что-то иное, хотя кому-то сегодня в это трудно поверить...

Главный герой повести, Расул, – человек, не утративший истинных идеалов. Он не просто в них верит, но и неукоснительно им следует. И в повести он такой не один: синдром «самурая» – воина, которому, наряду с честностью и порядочностью, присущи еще и храбрость, и сила духа, позволяющие ему не прогибаться перед чужой, враждебной силой – свойственен и другим ее героям: Командиру, возглавлявшему отряд, в котором воевал Расул, Медине, и, казалось бы, полному антиподу Расула – как это выглядит в первой части повести – Абдулле. Неслучайно в конце повести Расул, отвечая на вопрос деда своего погибшего однополчанина, кто ему Абдулла, отвечает: «Как оказалось, родственник». И это не только потому, что Расул собирается жениться на сестре Абдуллы, а, главным образом, потому, что они – родные по духу, оба они – «самураи»...

О сюжете я говорить не стану – читателям он станет известен по прочтении повести. Остановлюсь лишь кратко на двух, произведших на меня особое впечатление, эпизодах. Первый – когда Расул и Абдулла оказываются там, где все еще продолжаются боевые действия.

... «На закате подъехали к месту назначения. С вершины пригорка были видны укрепления, окопы, разграничительная линия, еще окопы, а дальше – безлюдье, неухоженные деревни с высохшей растительностью и обгоревшими домами... громадное пространство, ... разделяющее позиции воюющих сторон...

... – Ну... Что... пойдём? – нарушил паузу Расул.

Абдулла, не оборачиваясь, молча указал рукой в сторону безжизненно опустевшей деревни, серевшей на противоположной стороне... Потоптавшись на месте и все еще не оборачиваясь... он, наконец, тихо пробормотал:

– Вон там...

Абдулла осекся. По щеке его катилась слеза...

– Вон там, – повторил он, – я родился...

Место, на которое он указал, располагалось на «той стороне»...

И второй эпизод – когда командир рассказывает по секрету Расулу, как он отпустил пленного армянина: «Лет восемнадцати... Худой такой, сутулый... Я его допрашивал... И он мне сказал: «Все, что вы спрашиваете, про это я, говорит, ничего не знаю. И ничего не понимаю. А вот что знаю и вижу, так это то, что скоро война кончится»... Я сам, понимаешь, давно это чувствую... Поверь моему слову: скоро... это... будет... Знаешь... Я... его отпустил... Он плакал... говорил, я про вас маме расскажу... Я его отпустил, потому что он увидел то, что и я вижу...»

А дальше – потрясающая сцена, когда мать отпущенного Командиром парня идет через линию фронта с самодельным белым флагом в руках, держа за руку своего спасенного сына. Идет в сторону азербайджанских позиций...

... «Время от времени она останавливалась, прикладывая к сердцу правую ладонь, и низко кланялась кому-то, кого высматривала, надеясь донести до этого человека свои чувства»...

И никто не мог ей помешать – ни направлявшийся к ней наперерез трактор с людьми, которые пытались жестами и криками остановить ее, ни бежавшие с другой стороны солдаты...

У нас «не модно» сейчас писать так о ком-то из представителей «вражеской» стороны – модно писать о них, лишь осыпая проклятьями... У противоположной стороны – то же самое... Мне кажется, это недаленовидный и не очень умный подход. И пока он остается таким, мечта командира – «я верю, война скоро кончится» – вряд ли исполнится... Потому что война все еще продолжается...

Предвижу, что в адрес автора, возможно, посыплются упреки – за то, что он попытался подойти к этой теме не столь однозначно, как это принято сегодня у многих. Но он – писатель, а писатель должен мыслить широко... А писатель он настоящий – честный. И еще – прекрасно владеющий словом (что сегодня, к сожалению, не такое уж распространенное даже среди писателей явление), умеющий грамотно выстроить сюжет и отобразить живые, осязаемые образы...

А главное – ему веришь. Я – поверила. Поверила не в силу своей наивности – я человек недоверчивый, в чем-то даже скептический, – а потому, что ему хочется верить. И еще потому, что, несмотря на некоторый мой скептицизм и на то, что я, к сожалению, не «самурай» – в плане храбрости и силы духа, – я при всем этом отношусь к «самым неисправимым оптимистам», которым посвящает и, я думаю, адресует свою книгу Октай Мир-Касым.

И еще: все, о чем он пишет, настолько ярко и зримо встает перед глазами, словно ты видишь это на экране. И мне кажется, что повесть эта так и «просится» на киноленту. Только экранизировать ее тоже должен неисправимый оптимист. Иначе – не поверят.

С чувством благодарности и глубокого уважения к автору

Елизавета КАСУМОВА